

**ОЛЬГА
ЕГОРОВА**

НАУЧИ МЕНЯ
ЛЮБИТЬ

Ольга Егорова
Научи меня любить

«Амиргамзаева Ольга»

2006

Егорова О.

Научи меня любить / О. Егорова — «Амиргамзаева Ольга», 2006

ISBN 5-17-033273-4

Благополучный роман с весьма успешным мужчиной... Стабильные отношения, которые, возможно, перерастут в семейные... Мечта современной молодой женщины? Или – тоска, иссушающая душу? Как хочется любви, страсти, романтики! И однажды случайная встреча с бедным музыкантом превращает мечту Ирины в явь. Однако прежний возлюбленный вовсе не намерен великодушно отступить и готов на многое. Вплоть до...

ISBN 5-17-033273-4

© Егорова О., 2006

© Амиргамзаева Ольга, 2006

Ольга Егорова

Научи меня любить

Первое, что бросилось в глаза и запечатлелось потом накрепко в памяти – его длинное и мешковатое серое пальто.

Снятое будто с чужого плеча, оно висело на нем, как на вешалке, размывая полностью очертания силуэта. Развевалось на ветру, как серый парус странного корабля, непонятным образом оказавшегося вдруг в такой дали от моря и все еще продолжающего верить в то, что до него, до моря, можно добраться. Пока еще парус достаточно крепкий, а ветер дует на юг...

Облака плыли недружно, рассыпавшись крошечными льдинками по голубой глади бездонного озера-неба. Тоскливо как-то становилось на душе от всего этого. От облаков-осколков, от нелепого его пальто.

«Дура, – отругала она себя. – И затея твоя дурацкая. Глупая. Такая же, как это его пальто...»

Все-таки решилась, подошла. И он ее наконец заметил, повернулся, задержал взгляд. «В двух зеленых пустых зеркалах...» – вспомнилась давно забытая строчка какого-то известного поэта. Не совсем удачным оказалось сравнение: зеркала были зелеными, но не пустыми. Хотя о чем он был, этот взгляд, она сразу понять тоже не сумела.

Наверное, все же разволновалась немного. «Ну и пусть», – упрямо повторила про себя, рассматривая придирчиво длинные, почти до плеч, волосы, упрямый и волевой подбородок, жесткую складку губ и снова глаза.

– Привет, – произнесла беззаботно и даже слегка улыбнулась.

Он молча смотрел на девушку в домашнем халате и тапочках. Светло-русые с легким оттенком рыжины волосы небрежно стянуты резинкой в хвост где-то на боку. На лице – ни капли косметики, во взгляде – упрямое нежелание с чем-то мириться. Налетевший порыв ветра выхватил из пучка одну длинную прядь, позолоченную солнцем, поиграл недолго и бросил лениво на лицо, зачем-то разделив его на две половины.

– Здравствуйте, – ответил он вежливо, слегка склонив голову.

Она убрала волосы с лица. Теперь было уже не страшно, а просто смешно. Голос у него был приятный, взгляд – зашифрованный невысказанным кодом, который ей разгадывать сейчас совсем не хотелось.

– Знаете, у меня к вам достаточно неожиданное предложение...

– Ко мне? – уточнил он. Как будто кроме них двоих здесь был кто-то еще.

– Да-да, – она кивнула. – Именно к вам. Не хотите ли вы... Стать моим мужем?

Вздохнула облегченно: вот и все. Теперь остается только дожидаться, когда он покрутит пальцем у виска, рассмеется ей в лицо или просто пошлет подальше, не стесняясь в выражениях.

Небо было по-прежнему ясным, но откуда-то издали доносился первобытный и не сравнимый ни с чем запах тумана. Она вдохнула его поглубже, потому что любила с детства этот терпко-влажный аромат, заползающий тихой и невидимой змейкой в комнату по утрам, когда ей нужно было вставать с постели и собираться в школу. Вот и теперь, она чувствовала – стоит только закрыть глаза, и время умрет, растворившись в этом запахе, и ей снова будет четырнадцать или пятнадцать...

Он молчал как-то подозрительно долго. Смотрел на нее и молчал вполне серьезно, как будто и правда – раздумывал над ее предложением. «Еще согласится, чего доброго... Странный какой-то. Чудной, как мама говорит. Думает... О чем здесь можно думать?»

– Видите ли, – слышался наконец в тишине его голос. – Видите ли, я музыкант...

Она не выдержала, рассмеялась. В самом деле, разве можно было придумать более глупый ответ? Хотела уже сказать, что музыкант ведь не евнух, да и вообще, при чем здесь его профессия?

– Конечно, жаль, что не банкир, – выдавила из себя сквозь смех и вдруг осеклась, заметив, как заблестели вдруг в его глазах осколки перевернувшегося неба.

Или, может быть, ей показалось? Теперь он смотрел равнодушно, даже иронично немного, как и полагается, наверное, смотреть в подобной ситуации. Только зрачки становились все меньше, превращаясь в две крошечные черные точки, освобождая пространство зеленому цвету.

Ей вдруг захотелось домой. Быстрее – домой, к маме, просто расплакаться у нее на коленях, чтобы пожалела, погладила по голове. Она сказала тихо:

– Извините.

Повернулась, сделала несколько торопливых шагов и скрылась в темном подъезде. Один лестничный пролет, второй, третий... Будто и не было ничего.

* * *

– Вернулась уже, Ириша? – донесся из комнаты спокойный мамин голос.

Ирина остановилась в дверном проеме. Все было по-прежнему: мама сидела в кресле со спицами в руках. Серый клубок шерсти лениво переворачивался с боку на бок возле ее ног, уменьшаясь почти на глазах. Мама всегда вязала очень быстро.

– Знаешь, мама, когда я была маленькой... Я, помню, смотрела на клубок возле твоих ног и воображала себе, что это маленький котенок. Он все уменьшался и уменьшался, и мне жалко было его, этого котенка, до слез. Потому что он исчезал...

– У тебя всегда было прекрасно развитое воображение, – спокойно ответила Римма Михайловна, опустив на колени вязание. Сквозь очки с толстыми линзами ее большие глаза казались просто огромными. – Уж не знаю даже, хорошо это или плохо...

– И я не знаю. По-моему, это просто не важно.

– Ну так что? Где твой первый встречный? – спросила мать без улыбки. Так серьезно, как будто и в самом деле могло получиться что-то путное из этой затеи.

– Ой, мама, – рассмеялась Ирина, прошла в комнату и опустилась в кресло напротив. – Не спрашивай!

– Что, никак дед Иван из тридцать пятой квартиры тебе встретился? Как раз мусор выносил, а тут – ты...

– Да нет же, мама. Никакого деда Ивана я не встретила. Встретила нечто совсем необъяснимое и загадочное...

– Вот как? – заинтересовалась Римма Михайловна. – А почему в среднем роде, если это мужчина?

– Да потому что мужчина такой. В среднем роде, правильно ты выразилась... Господи, если б ты видела! Такое пальто на нем дурацкое, волосы длинные, взгляд – отсутствующий. Знаешь, если вокруг него высадить огород, ни одна ворона близко не подлетит...

– Ну что же ты так, Ирочка, по одежке, – Римма Михайловна слегка нахмурила брови и снова взялась за вязание.

– Да не в этом дело, мама. Просто он весь странный... Несуразный какой-то, знаешь. Как будто с Луны свалился, и не понял. Музыкант...

– Музыкант? – брови матери снова поползли вверх. – Так ты разговаривала с ним все-таки?

– Разговаривала, – буркнула Ирина и опустила глаза.

– И что ж ты ему сказала?

– А то и сказала, что замуж за него хочу выйти.

– Так и сказала?

– Так и сказала...

– А он?

– А он говорит, что музыкант...

– Музыкант?

– Я же говорю, мама, он странный какой-то был. Другой на его месте послал бы подальше, или как шутку воспринял, а он серьезно так ответил – знаете, я музыкант... Как будто это имеет какое-то значение.

– Да, – после длительной паузы протянула задумчиво Римма Михайловна. – Вот ведь характер у тебя! Вся в отца... Тот такой же был. Скажет – сделаю, значит, сделает... Упрямство это его глупое ни к чему хорошему не привело. Так что не знаю, дочка, на беду или на счастье...

– Да перестань, мама. Я просто разозлилась. Ты же видела, в каком я состоянии была...

– Видела.

– Глупо получилось, – вздохнула Ирина, в первый раз почувствовав неловкость перед человеком, который оказался невольной жертвой ее плохого настроения. – Неудобно как-то. Хоть он и странный, а все-таки... Даже жалко его немного.

Она поднялась с кресла, подошла к окну. С востока надвигался туман, заполонив уже собою целый край неба. Осколки облаков сбились в кучу, запаниковали, затосковали о своем одиночестве.

Во дворе было пусто. Ей показалось, что знакомый силуэт-парус мелькнул где-то вдали и тотчас скрылся, бесстрашно ступив в полосу зыбкого тумана.

– Корабль уплыл в южные моря, – задумчиво и тихо констатировала Ирина. – Мама, скажи, ну почему я такая чокнутая?

– Ну что ты, Ирочка! Ты просто импульсивная, как отец. Твои поступки часто бывают не обдуманными, но... Это говорит о темпераменте, а вовсе не об умственных способностях...

Римма Михайловна говорила что-то еще. Ирина почти не слушала мать, сосредоточившись на своих мыслях, погружившись в себя так глубоко, как погружается небо – в туман.

«Нужно что-то делать. Нужно решиться, нужно сделать шаг, иначе это не кончится – никогда. Но, боже, остаться одной, совсем одной, в двадцать восемь лет, когда уже так трудно начинать жизнь сначала... Если бы только я знала, что люблю его. Если бы я чувствовала, что люблю, все остальное было бы не важно. В конце концов, говорят ведь, что любовь прощает все. А здесь... Здесь нет никакой любви, совсем не осталось. Привычка, простая привычка, уже давно. Любовь прошла, ускользнула как-то внезапно, а вот от привычки – так трудно избавиться... И в самом деле, как же я буду – без него? Как же я смогу? Шесть лет вместе – это не шутка...»

Ирина давно уже задумывалась о том, что ее отношения с Андреем должны прийти к какому-то финалу. Начинаясь так бурно шесть лет назад роман теперь уже нельзя было назвать романом. Этот высокий и симпатичный кареглазый брюнет давно уже стал всего лишь декорацией в ее жизни, но не самой жизнью, как это было раньше. Но сила привычки оказалась феноменальной: за последние три года она уже несколько раз пыталась разорвать отношения. Поставить точку, раз и навсегда... И ничего не получалось.

Уже на третий день разлуки она начинала тосковать. Поглядывала искоса на телефон, ожидая звонка... Телефон звонил, и все начиналось сначала. Несколько дней почти первозданной нежности, потом – полоса серых будней и снова – очередной скандал и неотступные мысли о том, что пора бы поставить точку... «Не жена, не подруга», – крутилась в голове фраза из какой-то песенки. Ирина не помнила мотива, не помнила исполнителя, только эти несколько слов иногда преследовали ее так неотступно, что она приходила в ярость. Глупо, в самом деле – ведь никогда она не считала замужество целью своей жизни, и никогда не обижалась на Андрея

за то, что и он не торопится с предложением руки и сердца. Никогда не мучилась завистью, увидев обручальное колечко на пальце очередной бывшей одноклассницы или просто знакомой. Всегда думала – успеет еще... Тогда почему же?...

Последний скандал между ними произошел полчаса назад по телефону. Мирная беседа постепенно переросла во взаимный поток оскорблений, и Ирина вдруг прокричала не своим голосом:

«Я устала, ты понимаешь?! Устала от всего этого! Я хочу жить нормальной человеческой жизнью, хочу выйти замуж, хочу родить ребенка... Да-да, ребенка! Что в этом странного?»

«Замуж? Ты никогда раньше...»

Она не дала ему возможности закончить фразу:

«Да не за тебя же, черт возьми! Неужели ты подумал...»

«Что, есть другие кандидаты? Вот как, оказывается...»

«Нет у меня никаких кандидатов! Только и ты – не кандидат, понятно? Уж лучше за первого встречного...»

«Попробуй!»

«И попробую! И получится... Посмотришь, получится...»

Бросила трубку, едва отдышалась, вылетела на улицу. «Получится!» – упрямо твердила про себя, почти поверив. А потом увидела это пальто дурацкое...

Ирина улыбнулась своим мыслям. Да, надо бы подлечить нервы. Надо бы летом съездить на море, завести курортный роман. Отдохнуть, развеяться. Тогда, может, легче будет начать жизнь сначала. С нуля...

– Ирочка, мы сегодня ужинать будем?

– Мне не хочется, мама.

Римма Михайловна поднялась с кресла, подошла сзади неслышно, накрыла плечо ладонью.

– Я понимаю, Ирина, тебе тяжело. Но только ведь рано или поздно все равно придется принимать какое-то решение. Так, может быть, не стоит с этим затягивать?

– А ты? – Ирина обернулась и пытливо посмотрела в глаза матери. – Ты бы на моем месте?...

Римма Михайловна молчала некоторое время, задумчиво глядя мимо, куда-то в окно, в надвигающийся туман. Потом опустила глаза и тихо сказала:

– Если помнишь, я была на твоём месте. Была в похожей ситуации. И ты знаешь, как я поступила...

– И не жалеешь? Не жалеешь, что разошлась с ним?

– По-всякому бывает. Иногда даже очень жалею. Я ведь так и осталась – одна... Но ты – другое дело.

– Почему?

– Тебе – двадцать восемь. Мне тогда тридцать шесть было...

– Какая разница, мама? Ты считаешь, это не одно и то же? Двадцать восемь – почти тридцать...

– Глупости, – улыбнулась Римма Михайловна. – Я тоже в двадцать восемь лет считала себя старой. И в двадцать пять... Дело не в возрасте. И потом, даже если... Может, все-таки лучше одной, чем вот так, как ты, мучиться?

– Если бы я знала, мама. Если бы я знала, как лучше...

– Андрей – он неплохой человек. Но мне почему-то кажется, что он тебе не пара. Он слишком... Как бы это сказать? Земной, что ли. А тебе нужен...

Римма Михайловна задумалась. Ирина улыбнулась:

– Если ты считаешь, что мне нужен неземной, так значит тот, в пальто как раз и был подходящей партией.

– В пальто?

– Ну, первый встречный. На нем такое пальто было... Неземное.

– Ах, ты об этом! Да, возможно... – ответила Римма Михайловна как-то слишком серьезно.

– Мам, перестань. Я вообще больше не хочу об этом думать. И говорить об этом тоже – не хочу. Давай лучше, правда, чайку попьем. Телевизор включим... Может, что-нибудь интересное нам покажут.

– Может, и покажут... Там как раз сейчас цикл передач идет про поэтов серебряного века.

– Вот и отлично, – облегченно вздохнула Ирина. – Ты же знаешь, я обожаю поэтов серебряного века...

* * *

На экране мелькали, потрескивая, стилизованные под старую документальную кинохронику черно-белые кадры. Притягивали взгляд, заставляли забыть и поверить в то, что этот послевоенный Ленинград – настоящий, и женщина в шляпе с широкими полями, задумчиво бредущая по улицам полуразрушенного города – вовсе не актриса, а на самом деле – она, Анна Андреевна. Веселая грешница, насмешница царскосельская...

Но ненадолго. Почти сразу переставало вериться в реальность женщины в шляпе, в черно-белую правдоподобность смешных старомодных автомобилей, чинно двигающихся друг за другом... Где-то в потайных уголках сознания все же существовала, не давая забыть, печальная уверенность в том, что эти черно-белые страницы – всего лишь случайный вкладыш в модном глянцево-журнале, сверкающем яркими цветами рекламы прокладок, чистящих средств, телевизоров, холодильников и еще бог знает чего...

И вообще, слишком модной стала теперь эта черно-белая съемка. Так и проглядывает сквозь нее довольное лицо клипмейкера, который еще вчера в тех же черно-белых тонах монтировал ролик какой-нибудь современной певички с шикарной силиконовой грудью... Получилось одинаково хорошо – и послевоенный Ленинград, и силиконовая грудь. Модно, стильно. Современно...

Или, может, напрасно – все эти мысли? Ведь и рекламы на этом канале не бывает. Не увидишь здесь – ни прокладок, ни холодильников, ни силиконовых бюстов. И у оператора, монтирующего трагическую хронику жизни великих поэтов, может быть, есть какие-то свои принципы? Наверняка...

– Никита! – послышалось из-за спины.

Он обернулся.

– «Чашу с темным вином подала мне богиня печали...», – снова поманил к себе экран голосом телеведущего.

Но черно-белые кадры уже исчезли из поля зрения, а одинокая строчка, вырванная из стихотворения, породила вдруг совершенно иной образ. Совсем некстати, словно из ниоткуда, и уж конечно, никак не связанный с этой самой чашей: светлая прядь волос, вырванная из пучка расшалившимся ветром...

– Что это ты здесь смотришь?

Отец остановился посреди комнаты, внезапно как-то это у него получилось – как будто забыл, куда и зачем шел. «Постарел... Сильно постарел», – подумалось с привычной жалостью, но он тут же отогнал от себя жалость, с детства еще убежденный в том, что чувство это недостойное.

– Передачу смотрю. Про поэтов серебряного века. «Серебро и чернь» называется...

– Про поэтов – это хорошо, – одобрил отец. – Только не помню я, чтобы поэзия серебряного века тебя интересовала раньше...

Он пожал плечами:

– Мало ли, что раньше было.

– И что, интересная передача?

– Очень, – ответил он уверенно. Даже, наверное, слишком уверенно, почти упрямо...

– Все убиваешься, – отец опустил рядом на диван. – Все вспоминаешь, все мучаешь себя... Перестань. Давно пора...

– Забыть? – перебил он резко, почти грубо.

– Не забыть, а смириться. Смириться с тем, что изменить невозможно. Год уже прошел...

– Да, сегодня год. Год назад...

Некоторое время они молчали, не глядя друг на друга. По экрану поползли титры – передача про Ахматову закончилась. Грустная, почти траурная мелодия провожала титры с экрана – в небытие. «Разве можно – смириться?» – подумал он с горечью. Смириться с тем, что человека, который так нужен, так дорог, так близок, нет больше на свете? Ведь был же, целых двадцать лет был рядом. И вдруг – больше нет...

– Не пошел ты, значит, на поминки. Не захотел... – отцовский голос нарушил его размышления. В голосе было сочувствие, понимание.

– Не пошел, – ответил он. Протянул руку, выключил телевизор, снова вдруг вспомнив ту самую светлую прядь волос. Уже в который раз за этот вечер... Далась ведь она ему, эта прядь!

В наступившей тишине было отчетливо слышно, как потрескивает экран телевизора, посылая все в то же небытие разряды слабого тока.

– Я, честно, хотел пойти. Дошел почти до дома, остановился неподалеку. Но потом вдруг представил себе, что увижу ее, и этого типа, с которым она живет теперь, и еще представил, что она счастья в глазах скрыть от меня не сможет... Муторно так на душе стало.

– Напрасно ты ее винишь. Она ведь любила его...

– Если бы любила, не сошлась бы с другим через пять месяцев после смерти мужа! – выдохнул он гневно. Всмотрелся пытливо в лицо отца: неужели искренне он ее защищает?

– Не суди людей, Никита. У нее ребенок остался, ей выживать нужно, понимаешь?

– Да черта с два, папа! Не выживать ей нужно, а жить, только в самом физиологическом, в самом непотребном значении этого слова! Потому что выжить она и без того сумела бы. Знаешь ведь, сколько мы с Мишкой за последний год заработали. На десять лет вперед за глаза хватит! А она еще долго деньги его грести будет. Все права теперь к ней перешли... Да что я тебе рассказываю! Она ведь тогда еще, при жизни...

Он махнул рукой, попытался отвлечься от тяжелых мыслей.

За окном повисла влажная мгла. Туман, настигший его по дороге домой, теперь полностью завладел городом, накрыл его пушистой подушкой, разлегся над домами, как добродушный лохматый зверь, не ведающий о том, что такое тревога. Туман успокаивал своей непроглядностью, неопределенностью, беспричинностью. Еще с самого детства он почему-то любил туман. И даже первую свою музыку написал в туманное утро. Тогда ему было тринадцать лет...

Отец молча поднялся, вышел из комнаты. Вернувшись через несколько минут, застал сына все на том же диване, в плену все тех же горьких воспоминаний.

– Я все время пытаюсь... Пытаюсь представить себе, о чем он думал? О чем думает человек, когда его убивают?

Постаревшая морщинистая рука опустила на полированный столик возле дивана две рюмки и початую бутылку. Никита вскинул глаза:

– Тебе же нельзя, папа.

– Сегодня – можно. Давай, сынок, помянем твоего друга. Раз уж ты на поминки не пошел, давай здесь, дома, выпьем по стопочке...

Выпили, не чокнувшись. Горькая жидкость заструилась по пищеводу, обожгла, проникнув, казалось, в каждую клеточку тела. Посидели некоторое время в тишине, которая показалась обоим слишком тяжелой.

– Рано или поздно – все равно придется смириться. Как я смирился со смертью твоей матери пятнадцать лет назад. Нелегко мне было, поверь... Но жизнь идет, несмотря ни на что. И нужно как-то прожить ее, эту жизнь...

– Как-то, – усмехнулся Никита. – В том-то и дело, что получается теперь только «как-то». Как-нибудь, день за днем... Дотянуть до старости, если уж не повезет. Если придется задержаться здесь так долго, до самой этой старости...

– Знаешь что, Никита, – отец нахмурил брови, остановил пристальный и строгий взгляд на лице сына. – Нельзя так раскисать. Ты как и не мужик вовсе...

– А я и не мужик. Мужики в поле пашут, а я, между прочим...

– Оставь ты свои шутки дурацкие! – перебил отец. – Если тебе это слово так не нравится, давай заменим его на слово «мужчина»... Знаешь, почему тебе так тяжело сейчас? Потому что ты живешь, а сам не знаешь, для чего и для кого.

– Правильно, – он кивнул в ответ. – Понятия не имею.

– А это плохо. Очень плохо, Никита. В жизни у человека всегда должен быть какой-то смысл. Человек должен жить для кого-то, или для чего-то... Его что-то должно держать на этой земле, понимаешь? Вот когда твоя мать умерла, ты у меня остался. И не отпускал меня... Туда, вслед за ней. Куда мне так хотелось... Но я не мог, потому что был ты. Понимаешь?

– Понимаю. Много раз уже слышал об этом, только, увы, не имею такого объекта притяжения, а посему – не вижу смысла...

– Брось ты эти разговоры, слышишь? – отец стукнул кулаком по столу. Так сильно, что пустые рюмки подпрыгнули.

– Ну что ты расшумелся...

– А то и расшумелся, что глупости ты говоришь. И я ведь знаю, давно у тебя эти мысли в голове бродят...

– Да перестань, – искренне попытался он успокоить отца. – Никакие мысли в голове у меня не бродят. Не собираюсь я над собой ничего такого сделать. Но, если честно, знаешь... Был бы совсем не против, если бы и на меня вот так же, как на него, поздним вечером... Даже благодарен бы был. Только почему-то никто на меня не хочет нападать. Наверное, не произвожу достойного впечатления...

– Прекрати сейчас же, слышишь? – снова вспыхнул отец. – Ты молодой еще, у тебя все впереди. Тебе, Никита, нужно...

– Что мне нужно?

– Жениться, – с неожиданной убежденностью в голосе ответил отец. – Семью завести, ребенка... Вот тогда бы все по-другому пошло.

– Жениться?! Да вы сговорились, что ли? – хрипло отозвался Никита.

Этот отвратительный ком в горле, который внезапно до неузнаваемости изменил его голос, нужно было куда-то прогнать. Протолкнуть вниз каким-то образом... Он быстро налил в рюмку водки и выпил одним глотком.

– Ты о чем? – спокойно спросил отец, будто ничего не заметив.

Не ответив, он поднялся с дивана, включил проигрыватель. Долго рассматривал высокие стеллажи с компакт-дисками, пытаясь отыскать что-то давно забытое. Наконец нашел, смахнул пыль, раскрыл обложку.

Никита и сам не понимал, отчего это ему вдруг захотелось сегодня слушать Эдит Пиаф. Не вспоминал о ней уже несколько месяцев, и вдруг...

– Никита, я задал тебе вопрос, – напомнил отец.

Тихо зазвучала музыка.

– Ах, да, ты о моей женитьбе... За сегодняшний день ты – уже второй человек, которому пришла в голову эта сногшибательная идея.

– И кто же был первым?

– Первым...

«Что-то ведь было у нее в глазах. Какие-то ноты... Жалко, не успел разобрать», – подумал про себя и ответил:

– Да так, девчонка одна.

– Девчонка?

– Ну, девушка, женщина, как тебе больше нравится. Я даже имени ее не знаю... Так вот, она этой же проблемой была озабочена. Решила, что мне непременно семью завести надо. Это не ты ли, случайно, отец, ее ко мне подослал?

– Никого я к тебе не подсылал, – обиделся отец. – Да что за девушка-то?

– Обыкновенная девушка. Растрепанная немного, со светлыми волосами. В домашнем халате и в тапочках... В общем, знаешь, так себе. Ничего особенного...

* * *

Ирина осторожно поднялась с постели, стараясь, чтобы не услышала и не проснулась мама.

Часы равнодушно показывали десять минут третьего. Вздохнув, она отыскала ногами под кроватью тапочки и, неслышно ступая, пошла на кухню.

В ночной тишине звук капель, бьющихся о стекло, звучал отчетливо и как-то слишком уж безысходно. Она вспомнила о том, что день был солнечный, вечер – туманный. Теперь, ближе к утру, небу стало окончательно грустно. Переменчивое и весьма сентиментальное оно, это небо, подумала Ирина, плеснув в чашку заварки.

Пододвинула к окну табуретку, приоткрыла форточку, закурила...

Странная вещь – бессонница. В голову постоянно приходят какие-то мысли, нет им конца, среди них – важные и неважные, они путаются, переплетаются в какой-то слишком уж замысловатый клубок. Балансовый отчет вполне мирно сосуществует в этих мыслях с подтекающим краном, со стертými набойками на осенних ботинках, которые срочно нужно заменить, и постоянным рефреном звучит один и тот же вопрос. Тот самый вопрос, на который она так долго и так безуспешно пытается найти ответ: что делать дальше?

Поставить точку. Остаться одной. Пусть – одной, но зато не будет больше этих постоянных скандалов, слез, глупых, ничего не значащих извинений. Все говорят, что время лечит. Всех лечит – значит, вылечит и ее. Пожалее, не бросит, позаботится...

Смириться. Успокоиться, начать наконец контролировать свои эмоции, попробовать приспособиться. В конце концов, бывает и похуже... По крайней мере, он ее не бьет. Ну, может, стукнул пару раз, так это не очень сильно, и потом – она сама заслужила... Заслужила, конечно же. И даже если не заслужила – все равно, можно сделать скидку на темперамент, ведь некоторые люди в гневе просто не умеют контролировать свои эмоции. Андрей как раз из таких людей, и не его вина, что он таким родился. И все же...

Поставить точку? Смириться? Или...

Если бы только он был, этот третий вариант. Но третьего было не дано, она это знала, а потому начинала совсем уж как-то по-детски мечтать о том, что появится вдруг в ее жизни какой-то человек, которому придется подчиниться беспрекословно. Который все решит за нее, а она просто выполнит его волю, просто послушается, как слушалась маму в далеком детстве. И тогда не в чем будет обвинять себя – даже в том случае, если выбранный вариант окажется не верным. Можно будет все свалить на него, на этого человека, волю которого она выполняла.

Поставить точку... Она сидела возле окна и даже представляла себе ее, эту большую жирную точку, как она ставит ее на последней странице толстой книги, которую она пишет слишком долго. Планируемый хэппи-энд уже невозможен, сюжет больше не контролируется, самовластно выползая из поставленных рамок, настойчиво пытаясь превратиться в драму... Тогда почему дрожит рука, почему никак не может опустить перо на бумагу, прикоснуться и отпрянуть? Разве она ей нужна, эта драма? Наверное, все же лучше остаться одной...

Она снова, в который раз уже, попробовала представить себе ее, эту «жизнь одной».

День начинается со звонка будильника. Продолжается свистом чайника на плите. Она пьет кофе в одиночестве. Едет в толпе людей на работу, в той же толпе – с работы. Вечер проводит у телевизора. Выходные – у телевизора. Со временем он перестанет быть ей противен. Она научится смотреть бразильские сериалы, полюбит современную эстраду и будет находить, что юмор в передаче «Аншлаг» очень тонкий и искрометный. Она станет смеяться над глупыми шутками, станет подпевать Маше Распутиной, увлечется политикой, кулинарными поединками, захочет стать миллионером, свяжет на досуге симпатичный малиновый шарфик, чтобы отвезти его на «Поле чудес» и подарить Якубовичу. Она будет мирно и тихо стареть, переживая сотни чужих кино-жизней и отдавая взамен – единственную, свою... Стареть вместе с мамой, с кошкой или собакой, которую она непременно заведет, чтобы не сдохнуть от одиночества. Вернее, чтобы эта смерть не оказалась скоропостижной. Чтобы она была медленной, долгой и мучительной...

Впрочем, возможен и несколько иной исход. Возможно, осатанев в один прекрасный день от телевизора, она подойдет к зеркалу, и, вспомнив вдруг давно забытую строчку из Ахматовой, бросится на улицу. И снова встретит там какого-нибудь мужчину, в пальто или без пальто, это уже не важно, и бросится перед ним на колени, и станет умаливать его, чтобы он разделил с ней это ее опостылевшее одиночество... Чтобы он вошел в ее дом и расколотил молотком этот чертов телевизор, сублимацию жизни...

«Я горькая и старая. Морщины покрыли сетью желтое лицо. Спина согнулась и трясутся руки...»

Как же там было дальше?

«А мой палач...»

За спиной щелкнул чайник. Ирина покосилась на него равнодушно, поднялась нехотя, налила в чашку кипятка.

«А мой палач глядит веселым взором и хвалится искусною работой, рассматривая на поблекшей коже следы побоев... Господи, прости!»

Подумала: если бы можно было начать все сначала, она бы разорвала эти отношения после первой же ссоры, после первой же его грубости. Если бы можно было вернуть назад эти шесть лет. Ведь тогда, шесть лет назад, ей было всего лишь двадцать два, и у нее были шансы. А теперь?

Она приоткрыла пудреницу, забытую на столе. Встретившись глазами со своим отражением, придирчиво осмотрела сеть мелких морщинок, две из которых были обозначены достаточно четко. Похлопала подушечками пальцев, отвела зеркало подальше, чтобы увеличить обзор. Нет, конечно, еще не старая. Еще стодитя, еще послужит... Лет десять, а то и больше еще будет смотреть на себя в это зеркало, не испытывая панического ужаса. А значит, еще не поздно, еще можно все изменить, есть шанс начать жизнь сначала...

Ирина вспомнила вдруг, как давным-давно, совсем девочкой, классе в пятом или шестом, она влюбилась без памяти в своего одноклассника. Но чувств своих не открывала, любила молча почти целый год, ловила взгляды, краснела. А потом вдруг на перемене он подошел к ней и сказал: «Ирка-дырка!» И засмеялся... Тогда ей тоже казалось, что в жизни больше уже ничего не случится. Что она просто будет потихоньку доживать свою жизнь до старости, а ее первая любовь так и останется единственной. И теперь – почти то же самое, с той лишь разницей, что

тогда, в двенадцать лет, она совсем не боялась остаться одной, она даже гордилась немного этой своей романтической обреченностью на одиночество. Этаким Чайльд Гарольд в юбке... А вот теперь, в двадцать восемь, ей страшно. До жути страшно остаться – одной.

«А мой палач глядит веселым взором...»

Но, собственно, кто он – ее палач?

«Одиночество – странная болезнь, которая излечивает от всего, в том числе и от одиночества». Эти слова она услышала недавно по телевизору – от самый редкий случай, когда показывали хорошее кино. Герой Джереми Айронса был смертельно болен. Ему было проще, гораздо проще чем Ирине, которой, возможно, придется задержаться на этом свете еще лет сорок. Или пятьдесят...

Она просто не будет больше подходить к телефону. Попросит маму, чтобы она всегда отвечала: Ирины нет дома. Когда будет – не знаю... «А на работе? Тоже объявить всему отделу, что я скрываюсь? Кому нужны эти глупые детские прятки...»

Совершенно внезапно в ночной тишине вдруг раздался резкий звонок. Ирина вздрогнула, испугалась. Она не любила ночные звонки, всегда считала их предвестниками несчастья. Бросилась к трубке, не успев все-таки перехватить второй звонок, который теперь уже наверняка разбудил маму.

– Аллю! – выдохнула возмущенным шепотом и услышала голос Андрея:

– Привет. Не разбудил?

«Вот и скрылась», – усмехнулась мысленно, прикрыла поплотнее дверь на кухню, снова опустила на табуретку. Ответила:

– Три часа ночи, вообще-то. Как ты считаешь – не разбудил?

– Извини, если разбудил. Просто мне нужно было тебе позвонить... Понимаешь, нужно.

– Не понимаю. В такое время суток – не понимаю...

– Да ты ведь не спала, Ирка? Я же по голосу слышу...

– Ну, предположим, не спала...

– И я не спал. Все думал о тебе. О нас с тобой.

– И что надумал?

– Ну перестань, прошу тебя, так разговаривать! Да, я хам, нахал, грубиян. Я сам все прекрасно понимаю, только иногда ничего не могу с собой поделать. Прости меня, малыш...

– В который раз... – выдохнула Ирина, прислушиваясь к его голосу. Именно в нем, в голосе Андрея, а не в словах его, было что-то особенное. Что-то непривычное слуху, что-то заставляющее поверить... Или она просто очень хотела – поверить? Как всегда, как обычно...

– В последний. Я много думал... Всю ночь думал об этом. И я понял, в чем причина. Мне кажется, ты от меня ускользаешь. Ты со мной, но в то же время – где-то далеко. Всегда – далеко. И, наверное, от этого я и схожу с ума...

Ирина услышала, как скрипнула кровать в комнате матери.

– Послушай... Давай завтра с тобой обо всем поговорим. Я боюсь, мама сейчас проснется. У нее голова болела вечером, она уснула с трудом...

Он помолчал некоторое время.

– Ирка, скажи. Скажи, что ты меня любишь...

– Андрей...

– Скажи!

– Я люблю тебя, – выдохнула Ирина, но этого оказалось мало:

– Скажи, что ты всегда будешь со мной. Скажи, что ты скучаешь...

– Андрей...

– Послушай, я сейчас к тебе приеду.

– Ты с ума сошел.

– Да, я сошел с ума. Наверное, ты права.

Она попыталась возразить что-то еще, но он не слушал:

– Жди меня через пятнадцать минут. Я возьму машину со стоянки и приеду, слышишь?

– Может быть, не стоит? Ночь...

Он не дослушал. Она еще добавила – дождь, но уже застучали в трубке, как капли о стекло, неумолимые короткие гудки.

Ирина вздохнула. Эти приступы нежности были ей уже знакомы. Не слишком часто они повторялись, но все же не в первый раз уже. Хотелось бы верить в то, что на самом деле теперь все будет по-другому. Не будет больше ссор, взаимных оскорблений, бесконечного выяснения отношений.

– Сумасшедший, – прошептала она почти без эмоций, прислушиваясь к своему сердцу. Но оно билось ровно, ничем не обнаруживая признаков волнения. – Ведь и правда – приедет...

Через двадцать минут она услышала, как открылись на площадке двери лифта. Не дожидаясь звонка, тихонько приоткрыла дверь.

Он вошел, смял ее в охапку, прижал к себе так крепко, как будто и в самом деле хотел срастись, стать одним целым, чтобы уже больше никогда – не разлучаться. Она как-то неуверенно вскинула руки, словно в первый раз обвивая его знакомые плечи, вздохнула глубоко и почувствовала вдруг запах роз.

– Андрей?

– Это тебе. Самой любимой, единственной женщине на свете...

Он отстранился. Букет из пяти темно-красных бутонов вынырнул у нее из-за спины, и она подумала с прежней отстраненностью: надо же, не заметила...

– Я даже не заметила... Боже, где ты достал их? Ночью...

– Не важно...

Он прошел вслед за ней в комнату. Опустился на пол рядом с постелью, спрятал лицо у нее на коленях.

– Ты меня простила?

– Не будь ребенком, Андрей. Ну, что с тобой, в самом деле...

– Я боюсь тебя потерять. Не хочу терять тебя. Мне кажется, я просто не смогу жить, если ты меня оставишь. Если в твоей жизни появится кто-то другой...

– Да брось ты, – она улыбнулась немного грустно. – Откуда он появится?...

Промелькнуло в памяти почти забытое лицо – зеленые глаза, длинные волосы, смешное пальто... Она притянула к себе Андрея, спрятала лицо у него на груди и снова повторила:

– Откуда...

* * *

Утро выдалось по-летнему солнечным. Ирина приоткрыла глаза, тут же зажмурилась и отвернулась, коснувшись щекой щеки Андрея. Снова приоткрыла глаза и не смогла сдержать улыбки: он спал как-то по-детски, подложив обе сложенные ладони под подушку, и дышал ровно, совсем не слышно.

Зацепив пальцами тонкую прядь волос, она принялась легонько щекотать его за ухом. Он хмурился во сне, но не просыпался. Она не стала настаивать: часы показывали всего лишь половину десятого, и в выходной день спешить им обоим было некуда. Она бы и сама поспала подольше, если бы не солнце.

Минувший вечер и ночь вспоминались отрывками. Ссора, примирение. Казалось, все было так, как обычно – те же слова, те же взгляды. Привычный сценарий, из которого выпадала, пожалуй, одна лишь деталь – букет красных роз, который пламенел теперь на ее письменном столе. Ирина даже не помнила, когда Андрей в последний раз дарил ей цветы просто так, не на день рождения и не на восьмое марта. Может, даже вообще никогда не дарил...

Но дело было даже не в цветах. Совсем не в цветах, она это чувствовала, но никак не могла понять, в чем загадка. Было что-то новое, что-то непривычное, может быть, в нем самом. Как будто за прошедшие с момента их ссоры несколько часов он открыл в себе что-то такое, чего раньше о себе не знал. Только что же, что именно?

Ирина покосилась на Андрея. Он спал все так же спокойно – так, как умеют спать только мужчины и дети. Темная полоса ресниц вдоль сомкнутых век слегка подрагивала, губы полуоткрыты. Почувствовав прилив нежности, она наклонилась и легонько коснулась губами его щеки. Отстранилась, успев заметить, как он улыбнулся во сне. Снова поцеловала, на этот раз более настойчиво и ощутимо...

Он приоткрыл глаза. Ирина засмеялась:

– Извини, нарушила твой сон.

Андрей накрыл ее руку ладонью:

– Нарушай. Еще раз, пожалуйста...

Она послушалась. Было приятно целовать его, размякшего и сонного, почти ребенка.

«А может быть, вот оно – счастье? Засыпать и просыпаться вместе, чувствовать всегда рядом с собой родного человека. Целоваться по утрам...» – подумала Ирина, но сразу же вспомнила, что эти мысли уже не раз за прошедшие шесть лет приходили ей в голову. И вроде бы все было правильно, как и должно быть, как показывают в кино и пишут в книгах – именно в этом и должно было бы заключаться счастье. Простое женское счастье, но...

Если бы не это «но»! Оно всегда попадалось на пути, всегда мешало поставить точку, победно завершив свои мечты и убедившись в том, что счастье достигнуто, поймано за хвост и посажено в золотую клетку. Остается только – кормить, поить и эту клетку чистить. Нет, не все так просто...

Лишь однажды она решилась признаться себе в том, что же означает это «но»: счастье без любви недостижимо. Его не поймать, как ни старайся, потому что оно просто не обитает в тех местах, где не живет любовь. Счастье без любви – самообман, который все равно рано или поздно раскроется. Как ни старайся... А любит ли она Андрея? А он ее – любит?

«А черт его знает», – отмахнувшись от надоевших мыслей, она перевернулась на живот и требовательно прошептала:

– Массаж!

Массаж он делал бесподобно. Почти сразу улетучились из головы все навязчивые мысли, стала ощутимой сквозь оконное стекло теплота солнца, прозрачность облаков, медленно сползающих вниз по небу за горизонт.

– Ирочка, – услышался вдруг из-за двери голос матери. – Вы уже проснулись? Тут Андрея к телефону просят...

Она поднялась, накинула халат. Приоткрыв дверь, взяла телефонную трубку из рук матери и протянула Андрею. Задержалась ненадолго возле вазы с цветами, вдохнула аромат, улыбнулась. Ирина всегда любила цветы...

– Отличная идея, Санек. Погода шепчет... Да, я на машине. А кто еще будет? Бирюков с женой, Пипин с подружкой... Отлично! Иришка? Иришка согласится, да, Иришка? Да, она согласна...

Ирина поморщилась. Ее всегда раздражала манера Андрея задавать ей вопросы и тут же самому на них отвечать. «Ты хочешь, чтобы я к тебе приехал? Конечно, хочешь! Я сейчас приеду!» Или: «Я думаю, тебе лучше надеть в ресторан темно-синее платье... Ты же со мной согласна, вот и умница, я жду тебя через пятнадцать минут!»

Вот теперь она в очередной раз была уже согласна с тем, о чем имела весьма смутное представление. Собственно, ее согласия никто не спрашивал...

– Я думаю, часа через два будем. Нет, раньше не получится, мы еще в постели... Представь себе. Ладно, хватит уже шуток твоих дурацких. Ждите...

Андрей выключил телефон.

– Кажется, сеанс массажа на этом окончен, Ирик. Мы едем на дачу!

– Ах, вот с чем я, оказывается, согласна... Кстати, название «Ирик» мне тоже не очень...

– А ты что – не согласна? – он удивился совершенно искренне. – Да ты что, котенок? Выходной ведь, воскресенье! Ты посмотри в окно – какое солнце! Последние погожие деньки!

Ирина пожалала плечами. Она просто не любила всю эту компанию – долговязого бритоголового Пипина с его вечно меняющимися подружками, толстого Бирюкова с его чопорной женой и с множеством наколок на теле, и даже сам Санек, лучший приятель Андрея, был ей не слишком симпатичен. Казался каким-то недалеким, глуповатым, и шутки у него всегда были пошлые и неуклюжие.

– Ну, что тебя смущает, скажи?

– Меня ничего не смущает. Просто мы могли бы провести выходной день вдвоем. Без твоего ненаглядного Пыпина с его блондинкой.

– Блондинка была в прошлый раз. Теперь должна быть рыжая, или брюнетка. Ты же знаешь, он не любит повторяться. Кстати, его фамилия – Пипин, а не Пыпин. И он совсем не мой ненаглядный...

– Знаю. И все равно он придурок. И девки его друг от друга только что цветом волос отличаются, а в остальном – как под копирку.

– Сейчас уже, между прочим, копирками никто не пользуется. Сейчас больше ксерокс...

– Значит, ксерокс.

Ирина чувствовала, что надвигается ссора. Но поделаться с собой ничего не могла: ей совсем не хотелось ехать на эту дачу. Черт бы побрал всех этих его приятелей, и совсем не обязательно было давать им номер ее домашнего телефона!

– Ладно, Иришка. Кажется, мы снова начинаем...

– Не мы начинаем, а ты начинаешь.

– Согласен. Пусть я. Скажи, что я должен сделать, чтобы ты согласилась? Сказать, что Пипин – придурок?

– Скажи, – равнодушно согласилась она.

– Пипин – придурок, – с готовностью повторил Андрей.

– Пыпин, – демонстративно поправила она.

– Пыпин! – он и на это был согласен...

Ирина рассмеялась. Напряжение, кажется, отпустило.

– Зачем нам тогда ехать на эту дачу? Чтобы провести время в обществе придурка?

– Ошибаешься.

Он поднялся, подошел ближе, прижал ее к себе и прошептал в самое ухо:

– Чтобы провести время в обществе друг друга. Только не в четырех стенах, а на природе, на свежем воздухе, что может быть лучше, скажи?

Ирина молчала некоторое время. Потом подняла глаза:

– Ты, правда, очень хочешь?

– Правда. Очень хочу.

– Хорошо, тогда поедem. Может, ты и прав...

– Конечно, я прав! Посмотришь, тебе понравится! Там шикарнейшая дача, с бассейном, с сауной...

Ирина вздохнула. Она не стала напоминать Андрею, что терпеть не может сауну.

– Я только книжку с собой возьму, можно?

– Ирик, – вздохнул Андрей, – ну скажи, зачем тебе книжка?

– Так, картинки рассматривать. Может, буквы знакомые попадутся. Знаешь, такое тоже случается иногда...

– Да не понадобится тебе эта книжка! Там весело будет, не до книжек! Бери, если хочешь, дело твое...

Ирина кивнула.

– Ладно, я пошла в ванную. Сколько времени у нас на сборы?

– Время не ограничено. Но чем быстрее мы поедем, тем быстрее...

– Мы приедем, – закончила она с улыбкой и скрылась за дверью.

– Ирочка, вы уходите куда? – перехватила ее мать по дороге в ванную.

– Да, мы уезжаем. На дачу к приятелям Андрея.

– На дачу, – сразу же засуетилась Римма Михайловна, – так ведь покушать нужно что-нибудь...

– Да ничего не нужно, мама. Мясо купим по дороге, там меню всегда одно и то же – шашлык, пиво, помидоры, рыба красная...

– Ты уже была что ли раньше на этой даче?

– На этой – не была. Была на другой, но это не имеет значения...

– Все равно, – не сдавалась Римма Михайловна. – Я тебе соберу чего-нибудь. Колбаски, котлет положу, нажарила вчера целую кучу...

Ирина не стала сопротивляться – знала, что бесполезно. Только кивнула в ответ и скрылась в ванной. Сквозь шум воды она слышала, как суетится на кухне мать, как хлопает дверцей холодильника. Потом послышался голос Андрея. Слов она разобрать не сумела.

Позавтракали на кухне по-семейному, втроем. Мать без конца вставала, предлагала подлить чаю, на что Андрей охотно соглашался. То ли жажда его замучила, то ли просто приятное захотел сделать Римме Михайловне – выпил целых три чашки, попробовал весь ассортимент бутербродов.

– Это хорошо вы придумали – на дачу. Последние теплые дни, скоро зимние холода начнутся. Прощаться с летом...

– Вот и я говорю – хорошо, – поддержал ее Андрей, – а Ирочка что-то без энтузиазма...

– Что так, Ирина? – почти встревожилась мать.

– Да ничего, все нормально, мама, – отмахнулась Ирина. – Ладно, вы тут доедайте, а я пойду одеваться.

Закончив сборы, она вышла из комнаты и вдруг вспомнила о том, что собиралась взять с собой что-нибудь почитать. Вернулась, остановилась возле книжной полки. Взгляд остановился на старом, зачитанном еще во времена молодости Риммы Михайловны, томике стихов Ахматовой.

Ожили вдруг в памяти черно-белые кадры послевоенного Ленинграда, женщина с горделивой осанкой и твердым взглядом темных и томных глаз. Ирина сразу поняла – это именно то, что ей сейчас нужно. Она зачитывалась стихами в юности, а за последние шесть лет, кажется, ни разу не открывала никаких поэтических сборников.

Взяла книгу с полки и вышла из комнаты, столкнувшись на пороге с Андреем.

– Ну что ты так долго? Я уже всю посуду успел после завтрака вымыть, а она все копается...

Довольное лицо Риммы Михайловны на заднем плане однозначно свидетельствовало о том, что Андрей говорит правду.

«Странная у меня все-таки мама, – подумала Ирина. – Еще вчера уговаривала меня его бросить, а сегодня вся так и светится... Подумаешь, три чашки вымыл! Не поймешь ее...»

– А это что? – он взял из ее руки книгу. – Стихи... Понятно. Даю тебе слово – ты про эту книжку даже не вспомнишь. Тебе не до стихов будет...

– Какие уж стихи, когда вокруг сплошная проза, – усмехнулась Ирина. – Ну все, пошли. Причешешь только...

– Распусти волосы, Ирик. Ты шикарно смотришься с распущенными!

Она поймала себя на мысли, что ей ужасно хочется собрать волосы в пучок на затылке... Может быть, если бы не это дурацкое его словечко «Ирик», она бы отнеслась к его предложению более спокойно и даже согласилась бы с ним. Но может быть, совсем не в этом было дело...

– Ну вот. Королева, – похвалил Андрей ее прическу.

Уходя, она бросила взгляд в зеркало – и правда, распущенные волосы ей к лицу. Наверное, не стоило нервничать по этому поводу...

Солнце слепило глаза. Ирина ерзала на своем сиденье, пытаясь каким-то образом спрятаться от его лучей, но ничего не получалось. И даже специально придуманный для этой цели козырек над лобовым стеклом на этот раз не мог справиться со своей задачей: солнце по-хозяйски проникало внутрь, не обращая никакого внимания на все светонепроницаемые преграды. Она покосилась на Андрея.

Он совершенно спокойно смотрел вперед, на дорогу. Его глаза были защищены темными стеклами очков.

– Вот ведь угораздило меня забыть дома очки. Обидно – до слез, в прямом смысле...

Он оторвал на короткий миг взгляд от дороги, посмотрел на нее, прикоснулся ладонью к щеке:

– Не плач, моя прекрасная принцесса. Сейчас остановимся и купим тебе очки. Подумаешь, беда...

– Да, ты прав, придется купить.

Они как раз проезжали мимо рынка. Андрей припарковал машину, вышел, помог выйти Ирине.

– Сама галантность, – улыбнулась она, подавая ему руку.

Он улыбнулся в ответ, захлопнул дверцу и пошел вперед, не отпуская ее руки. Так они и шли, взявшись за руки, беседуя о пустяках и время от времени останавливаясь, чтобы купить нужные продукты. Андрей расплачивался и сразу же снова сжимал ее ладонь в своей. Сжимал крепко, как будто и вправду боялся потерять ее в толпе людей, как будто на самом деле боялся – потерять... Она вспомнила вдруг, как накануне вечером он шептал торопливо о горячо: «Я боюсь тебя потерять. Не хочу терять тебя. Мне кажется, я просто не смогу жить, если ты меня оставишь. Если в твоей жизни появится кто-то другой...» И снова подумала: откуда? За прошедшие с момента их встречи годы на место Андрея в жизни Ирины еще никто не претендовал. Напрасно он так беспокоится...

Она призналась себе в том, что эта его тревога в какой-то степени была ей даже приятна. Снова в голове промелькнула мысль о счастье, которое в этот момент вдруг опять показалось ей достижимым...

– Подожди, давай каких-нибудь кассет купим. У Санька всегда с музыкой проблемы. А без музыки какое веселье, правда?

– Правда, – согласилась Ирина, равнодушно скользнув глазами по пестрой витрине с музыкальными сборниками. Все это ей было мало интересно, потому что приятели Андрея, да и сам Андрей в их числе из всех музыкальных жанров отдавали предпочтение так называемому шансону. Она тоскливо вздохнула, представив себе пьяную физиономию бритого Пыпина, сиплым голосом распевającego не в такт: «Голуби летят над нашей зоной...» Вздохнула, снова вдруг пожалев о том, что согласилась на эту поездку.

Как она и предполагала, Андрей купил несколько кассет излюбленного кампанией шансона. Видимо, все ее эмоции по этому поводу отразились на лице, потому что продавец вдруг понимающе улыбнулся и предложил Андрею:

– Вы бы что-нибудь для девушки купили. «Фабрику звезд», например, или вот еще есть сборник – лучшие баллады о любви...

– У нее извращенный музыкальный вкус, знаете ли... Она все больше фуги да сонаты слушает. Концерты всякие для скрипки с оркестром, – добродушно пошутил Андрей. – Вряд ли у вас для нее что-нибудь найдется.

Ирина улыбнулась вымученной улыбкой и ничего не сказала. Скользнула еще раз взглядом по пестрым обложкам... Андрей уже тянул ее за руку – дальше, к мясным рядам, нужно было еще купить свинину для шашлыка, зелень для салата.

– Постой, – она вырвала руку, – подожди, Андрей. Смотри, Эдит Пиаф. Я так давно хотела...

Он как-то снисходительно усмехнулся. Ирина даже знала, о чем он подумал, как охарактеризовал мысленно эту ее неожиданную находку: «старый хлам». Старый, никому не нужный хлам... Кто в наше время это слушает?

– А мне нравится, – упрямо возразила она вслух. – Давай купим.

Андрей расплатился за кассету, бросил ее в сумку. У Ирины даже сердце сжалось на мгновение: как она там, маленький французский воробышек, среди жиганов в телогрейках? Но, впрочем, на витрине ее окружала не намного более приятная компания. Виагра, глюкоза... Как в аптеке.

Андрей обернулся, спросил:

– Ты чему так загадочно улыбаешься?

– Да так, своим мыслям...

– И о чем твои мысли? – попытался уточнить он, и Ирина подумала: так всегда.

Всегда он боится, что хоть одна ее мысль, хоть одно чувство или сомнение ускользнет от него и она вдруг станет для него недоступной, далекой, и уже больше не будет принадлежать ему целиком и полностью. Не любит он эти ее таинственные улыбки и недомолвки. Не просто не любит, а даже боится их...

– Тебе обязательно нужно знать?

– Естественно. Я хочу знать о тебе все...

Она вздохнула.

– Я просто представила себе ее среди бритоголовых зеков.

– Кого – ее?

– Эдит Пиаф, кого же еще. Там, в сумке. Ну, образно...

– Ах, ты об этом, – он наконец улыбнулся в ответ. – Ничего, стерпится – слюбится. Тем более, ей не привыкать. Насколько я знаю, она была та еще штучка...

– Да, наверное. Послушай, мы же забыли очки...

Они остановились у раскладной витрины, купили очки. Купили мясо и зелень, купили еще смешную кепку в горошек для Ирины, которая была ей к лицу. Так считал Андрей...

– Ну все, поехали. Ничего не забыли? – Андрей задумался, нахмурил лоб.

– Постой, – Ирина вдруг решительно расстегнула молнию на большой спортивной сумке и, поискав некоторое время, достала оттуда кассету.

– Извини, но мне ее жалко. Ничего не могу с собой поделать. Пусть лучше у меня в сумке полежит...

– Кого тебе жалко, Ирик? – едва заметное раздражение вдруг проскользнуло в его голосе. – Это простая магнитофонная лента. Это не человек, а кассета. Ей абсолютно все равно, где лежать, понимаешь?

– Понимаю. Только мне не все равно. Какая тебе разница?

– Никакой. Просто я не люблю, когда ты начинаешь говорить разные глупости. Тебе ведь не пять лет, дорогая...

– Ну ладно, давай не будем ссориться, – ответила она мягко. – Знаешь, я давно уже хотела ее купить. Столько магазинов обошла, а нигде не попадалась. Мне просто очень хочется ее послушать...

– Ты ее что, сейчас слушать будешь? Здесь, в машине?

– Если ты не хочешь, я могу вернуться домой и слушать ее дома. А в машине ты будешь наслаждаться обществом своих зеков, – не сдержалась Ирина. Сняла желто-синюю кепку с головы, бросила на заднее сиденье.

– Ладно, – почувствовав, что снова назревает ссора, Андрей взял себя в руки. – Слушай, если хочешь. Мне все равно. И поехали уже, нас ведь ждут...

Машина тронулась. Некоторое время они ехали молча, пытаясь успокоиться.

– Ну что же ты, – Андрей наконец нарушил напряженную тишину. – Слушай, если хочешь.

Забрал кассету у нее из рук, достал из обложки. Магнитофон, проглотив ее, приветливо и радостно замигал эквалайзерами. Ирина покосилась на него с неприязнью: тоже делает вид, что вполне доволен. Интересно, какой-нибудь «Владимирский централ» он проглотил бы с меньшим энтузиазмом?

«Non, rien de rien, non je ne regretter rien» – зазвучал неповторимый голос.

Первые же звуки заставили ее отвлечься от неприятных мыслей. Пела Эдит Пиаф, и перед глазами вместо пыльной дороги, равнодушно убегающей вдаль, возникли узкие парижские улочки. Она легко представила себе его, этот Париж, так ясно и отчетливо, словно и сама в этот момент оказалась там.

Голос Андрея, прозвучавший рядом, в картину Парижа почему-то не вписывался. Ирине пришлось на некоторое время вернуться из своих фантазий в реальность.

– Кстати, Ирик, совсем забыл тебе сказать. Есть две «горящие» путевки в Сочи. Только надо решить этот вопрос побыстрее. Может, сумеешь отпроситься с работы на неделю?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.